

Э. Шульцце, М. В. Любичев

ГОНЧАРНЫЕ ГОРНЫ ЗАПАДНОГО И ВОСТОЧНОГО РЕГИОНОВ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ВОПРОСУ ОРГАНИЗАЦИИ ГОНЧАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В Западном (Верхнее и Среднее Поднестриевье, верхнее течение Западного Буга, область правых притоков Припяти в ее верхнем течении) и Восточном (днепро-донецкая лесостепь) регионах ареала черняховской культуры открыты горны различных типов. Похожие черты в организации гончарного производства западного и восточного регионов свидетельствуют в пользу наличия одной экономической модели вне различия в культурных процессах.

Ключевые слова: позднеимское время, черняховская культура, гончарные горны, организация гончарного производства.

Проблема организации гончарного производства носителей черняховской культуры как составной части гончарства Барбарикума римского времени остается актуальной и требует дальнейшей разработки, что связано как с пополнением базы источников, так и с развитием методики исследования. В этой связи видится полезным опыт сравнения организации гончарного производства в двух регионах ареала культуры Черняхов / Сынтана-де-Муреш.

ЗАПАДНЫЙ И ВОСТОЧНЫЙ РЕГИОНЫ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

На современном этапе изучения деление ареала культуры на регионы / области / районы возможно лишь по географическому принципу и служит различным целям культурного и раннеисторического исследования этой общности. Вариант такого деления в частности предложен Б. В. Магомедовым (Магомедов 2001, с. 15—16). Мы предлагаем рассмотреть вопрос организации гончарного производства в двух

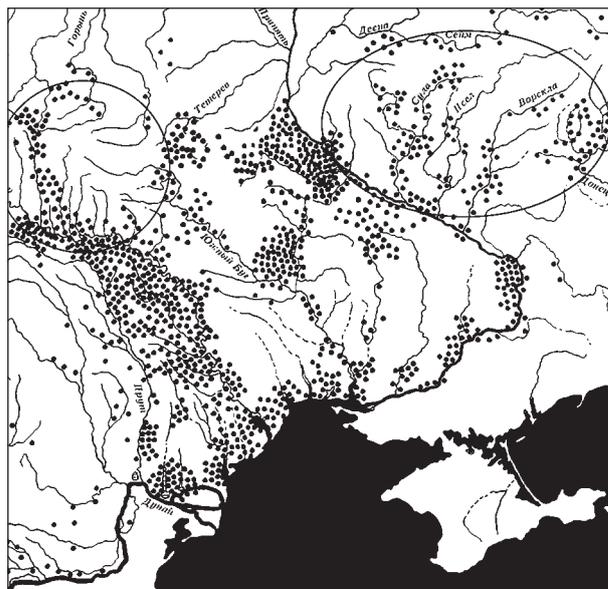

Рис. 1. Западный и Восточный регионы ареала черняховской культуры. Основа: карта памятников черняховской культуры (Гей 1993, карта 23)

удаленных друг от друга частях ареала культуры, для чего вводим понятия «Западный» и «Восточный» регионы черняховской культуры.

Западный регион охватывает Верхнее и Среднее Поднестриевье, верхнее течение Западного Буга, область правых притоков Припяти в ее верхнем течении. Восточный регион включает в себя днепро-донецкую лесостепь (рис. 1). В таком случае «Центральным» регионом будет территория Днепровского лесостепного Правобережья, область правых притоков Днестра между Тетеревом и Тясмином, но он не относится к территории нашего исследования (рис. 1).

Даже на уровне современного знания можно говорить о различных путях формирования горизонта «классической» черняховской культуры ступеней С3—D1 в этих регионах, ведущим признаком которого помимо наличия открытых поселений с наземными каркасно-глинобитными и углубленными сооружениями, биритуальных могильников типа «полей погребений» является функционирование гончарных мастерских и массовое изготовление круговой керамики. В Западном регионе это связано с участием в культурном процессе носителей вельбарской и пшеворской культур, наличием их элементов даже в комплексах, относимых к ступеням С3, D1, существованием группы Демьянов-Черепин (Магомедов 2001, с. 124—128; Петраускас, Шишкин 1999; Баран 1981, с. 152—160), в Восточном — с горизонтом Боромля на ступени С2 (Щукин 2005, с. 132—133; Любичев 2008, 2010)¹. Потому вполне логичным выглядит вопрос о возможном влиянии этих культурных отличий на степень организации гончарного производства. Эта гипотеза нуждается в проверке.

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНАХ

Термин «организация (организационные формы) гончарного производства» подразумевает навыки, орудия и специализацию. Особенности организационных форм определяют рабочее место гончара и устройство для обжига изделий (Бобринский 1989, с. 10—11). В свою очередь термин «экономические формы гончарного производства» обозначает наличие ремесла «на заказ» или «на рынок» (Бобринский 1989, с. 16). Между организационными и экономическими формами гончарного производства отсутствует прямая связь: этнографические данные свидетельствуют о функционировании гончарных производств как ремесленных так и доремесленных, несмотря на наличие или отсутствие гончарного круга (Бобринский 1989, с. 18).

1. Данная терминология не отражает всех точек зрения по этому вопросу. Судя по набору признаков, синонимами термина «горизонт «классической» черняховской культуры» являются термины «памятники типа Косанов» (Магомедов 2001, с. 116) и «памятники типа Хохлово 2—Снагость 2» (Кропоткин, Обломский 1991). Если выделение «горизонта Боромля» является следствием использования метода хронологико-культурных горизонтов (Щукин 2005, с. 132—133; Любичев 2008, с. 51), то выделение группы памятников «типа Букреевка 2—Тазово» или памятников «памятников поздней фазы киевской культуры в области днепро-донецкого водораздела» (Обломский 2002, с. 57; Терпиловский 2004, с. 470) — следствием применения «керамического» метода (Любичев 2016, с. 235—236).

ОСОБЕННОСТИ ИСТОЧНИКОВ ДЛЯ ДАННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Решение проблемы организации гончарного производства представляет собой историческую реконструкцию ибо подразумевает выяснение характера работы гончаров: сезонного либо круглогодичного. Каким же образом возможно определить его по сохранившимся материальным остаткам? Или же вопрос следует сформулировать так: можно ли по остаткам гончарных производств судить об особенностях организационных форм древних производств керамики? (Бобринский 1989, с. 22).

По сути единственным археологическим источником для решения этой проблемы являются остатки гончарных горнов на поселениях. Их наличие свидетельствует о факте самого производства гончарной керамики. Но как по остаткам горнов выяснить характер работы гончаров? Сезонные производства включают в себя работу без определенной периодичности, а также на постоянной местной основе (Бобринский 1987, с. 125). Характер работы может изменяться: этнографические данные свидетельствуют о случаях перехода от круглогодичной к сезонной работе при падении экономической роли гончарного производства (Бобринский 1987, с. 122—123).

По археологическим остаткам зафиксировать непостоянное рабочее место гончара фактически невозможно, но это реально, когда речь идет о мастерской. Причем, совершенно обязательно должно присутствовать сочетание «гончарные горны — гончарная мастерская» (Бобринский 1989, с. 34). Термин «гончарная мастерская» подразумевает постоянное рабочее место в специальном помещении, а также теплоустройств, используемых исключительно для обжига глиняных изделий — горнов (Бобринский 1989, с. 12—16). Признаком для выделения постоянного рабочего места служат остатки хранилища различных компонентов, используемых при составлении формовочной массы (Бобринский 1989, с. 24) или ямы-резервуара, где производилось ее замешивание. В отличие от В. Д. Барана, трактующего углубленную постройку возле горна на поселении Рипнев 2 как жилище 11 (Баран 1964, с. 235), А. А. Бобринский по факту наличия прослойки желтой необожженной глины как сырья видит в этом сооружении помещение, связанное с производством керамики (Бобринский 1989, с. 38—39).

Считается, что существует связь сезонного / круглогодичного производства с наличием теплозащитных, ветрозащитных и влагозащитных устройств горна (Бобринский 1987, с. 123). Теплозащитные устройства в виде присыпания грунтом или заглубления в грунт присутствуют фактически во всех горнах. Но как зафик-

сировать наличие деревянных конструкций, служивших ветрозащитными, влагозащитными устройствами?

С северной стороны горна 2 в Комарове (раскопки 2012 г.) были открыты 4 столбовые ямки от столбов перекрытия над горном (Петраускас, Коваль, Милян 2013, с. 27). Это стало возможным в определенных стратиграфических условиях: толщина слоя грунта до материка / уровня зачистки составляет на поселении 0,3—0,35 м (Петраускас, Коваль, Милян 2013, с. 25). Подобная ситуация наблюдается и на поселении *Odorheiu Secuiesc-Alsólok* в Семиградье, где столбовые ямки от конструкции перекрытия были обнаружены с южной и восточной сторон горна (Körösfői, Sófalvi, Nyárádi 2011, s. 452). Нижние части столбов находились в материке и потому столбовые ямки «прочитались» на фоне материка. При иной стратиграфической ситуации столбовые ямки не могут быть зафиксированы. Например, речь идет о наличии слоев чернозема и предматерика мощностью 0,9—1,1 м на участке Б поселения Войтенки 1, где находятся горны 2—4 (Любичев, Мызгин, Варачева 2012, с. 14). На поселении Боромля 2 констатируется «культурный слой, достигающий 0,3—0,5 м» (Некрасова 2006, с. 94). Вполне логично предположить и здесь наличие деревянных перекрытий над горнами и предгорновыми ямами, но ввиду стратиграфических условий столбовые ямки в материке отсутствуют ибо нижние части столбов находились в черноземном слое и не достигали уровня материка. В таком случае фиксация столбовых ямок фактически исключена. Потому нельзя согласиться с утверждением А. А. Бобринского о том, что «проследить остатки столбовой конструкции от перекрытия над рабочим пространством по археологическим остаткам горнов обычно не представляет большой сложности» (Бобринский 1987, с. 123).

А. А. Бобринский полагает, что констатация факта наличия перекрытия над рабочим пространством (жерди или бревна) возможна по степени заглубленности рабочей площадки или при наличии в ней ступенек (Бобринский 1987, с. 123). В рабочей площадке горна на поселении Сокольники 1 находились две ступеньки, ведущие к основанию площадки, на которую выходили устья двух горнов (раскопан только один из них) (Бобринский 1991, с. 160). По критериям наличия следов перекрытий над горнами и ступеней на рабочей площадке А. А. Бобринский отнес к: а) сезонным производствам горны из Неслухова, Сокольников 1, Лисогорки, Луки-Врублевцевой, Комарова (раскопки 1974 г.); б) сезонным и круглогодичным производствам горны из Воробеевки 3, Лепесовки, Ришнева 2 (Бобринский 1987, рис. 14). Был сделан вывод о широком распространении сезонных гончарных производств на памятниках черняховской культуры в украинской ле-

степи и наличии центров, ориентированных на круглогодичную работу (Бобринский 1987, с. 125).

На поселении культуры карпатских курганов Печенижин два открытых горна устьями своих топочных устройств соединялись с углубленными объектами («стационарными помещениями») (Вакуленко 2017, с. 26, 28, рис. 2: 2), наличие которых при горнах свидетельствует в пользу круглогодичного производства керамики (Бобринский 1991, с. 70—85). Пока такие объекты возле горнов Западного и Восточного региона не обнаружены.

ГОНЧАРНЫЕ ГОРНЫ ЗАПАДНОГО И ВОСТОЧНОГО РЕГИОНОВ: РАСПРОСТРАНЕНИЕ, ТИПОЛОГИЯ, МЕСТО НА ПОСЕЛЕНИЯХ

В работе по гончарным мастерским и горнам Восточной Европы римского времени А. А. Бобринского, вышедшей в 1991 г., представлена информация о гончарных горнах на следующих поселениях в двух наших регионах.

1. *Западный регион*: Воробеевка 3 (исследования В. К. Воляника, 1975 г.), Лепесовка (исследования Я. В. Яроцкого, 1905 г., М. А. Тихановой, 1960 г.), 3. Подлужье (исследования М. А. Тихановой, 1956 г.), Неслухов (исследования К. Гадачека, 1898—1903 гг.), Ришнев 2 (исследования В. Д. Барана 1959 г.), Сокольники 1 (исследования Д. Н. Козака 1976 г.), Лука-Врублевцевая (исследования С. Н. Бибикова 1945, 1956—1958 гг.), Лисогорка (исследования И. С. Винокура 1968 г.), Бакота (исследования И. С. Винокура 1969 г.), Комаров (исследования Ю. Л. Шаповой 1974 г.), Оселивка (исследования Г. Ф. Никитиной 1969) (Бобринский 1991, с. 149—161) (рис. 2).

2. *Восточный регион*: Хлопков 1 (исследования Ю. В. Костенко 1961 г.), Коровинцы 1 (исследования И. И. Ляпушкина 1948 г.), Пересечное (исследования И. Н. Луцкевича 1931 г.) (рис. 2). Здесь было открыто вероятно большее количество горнов, но об объектах из Нижнего Булатеца, Хомутеца, Мачухи, Опошни, Флоровки имеется предельно краткая информация или отсутствует детальное описание (Бобринский 1991, с. 146—148), что допускает их принадлежность к иной археологической эпохе. Горн из Мачухи ошибочно причислен к черняховской культуре, он относится к салтовской культуре (Гейко 1999, с. 76).

За период, прошедший со времени выхода монографии А. А. Бобринского, количество исследованных горнов в обоих регионах увеличилось: 1. *Западный регион*: еще один горн на поселении Комаров (Петраускас, Коваль, Милян 2013) (рис. 2); 2. *Восточный регион*: Боромля 2 (два горна: В. В. Приймак 1986 и А. Н. Не-

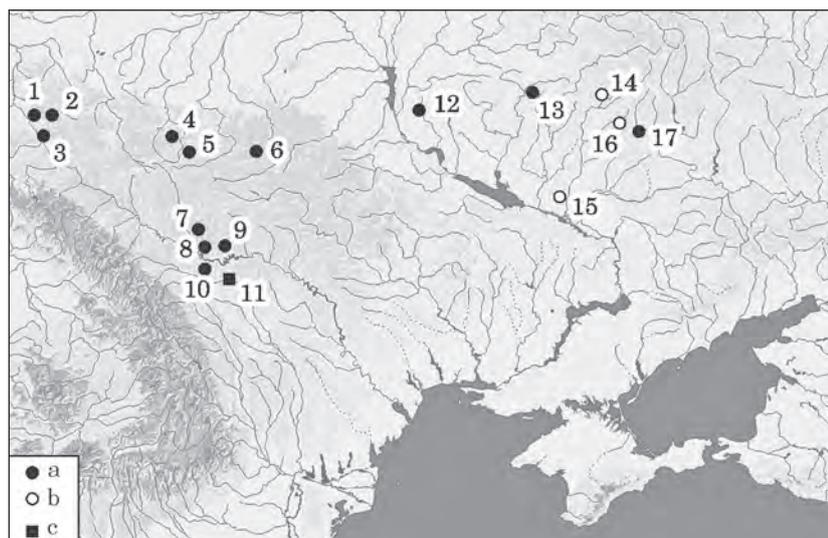

Рис. 2. Исследование гончарных горнов в Западном и Восточном регионах черняховской культуры: а — горны, открытые до 1991 г. (Бобринский 1991): 1 — Неслухов; 2 — Рипнев 2; 3 — Сокольники 1; 4 — Подлужье; 5 — Лепесовка; 6 — Воробеевка; 7 — Лисогорка; 8 — Лука-Врублевецкая; 9 — Бакота; 10 — Оселивка; 11 — Комаров; 12 — Хлопков 1; 13 — Коровинцы; 17 — Пересечное; б — горны открытые в течение 1991—2014 гг.: 14 — Боромля 2; 15 — Старые Санжары; 16 — Войтенки 1; с — поселение Комаров, где горны открыты до и после 1991 г.

красова, Р. В. Терпиловский 1990) (Некрасова 2006, с. 99), Старые Санжары (Гейко 1999; Гейко, Рейда, Сапегін 2013), Войтенки 1 — четыре горна: № 1 на участке А, № 2—4 — на участке Б поселения (рис. 2).

ТИПОЛОГИЯ ГОРНОВ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТИПОВ В РЕГИОНАХ

Согласно А. А. Бобринскому, гончарный горн состоит из следующих частей: обжиговый блок (ОБ), теплопроводно-разделительный блок (ТРБ), топочный блок (ТБ), в который входят: устройство для первичной концентрации и распределения тепла (УПКРТ), устройство для загрузки и сжигания топлива (УЗСТ), рабочая площадка (РП).

Виды горнов выделены по особенностям организации пространства под ТРБ (Бобринский 1991, с. 189—194, рис. 77) (рис. 3). Помимо Бобринского свою типологию горнов представил А. Хеннинг (Henning 1977, Abb. 5—8) (рис. 4). Их сравнение показывает, что тип 1 Бобринского совпадает с вариантом С Хеннинга, тип 2 Бобринского — с вариантом А Хеннинга. Типы 3—6 Бобринского входят в вариант В Хеннинга. Следовательно типология А. А. Бобринского позволяет более детально классифицировать горны, но это зависит от степени их сохранности.

Горны Бобринский 1 / Хеннинг С (без дополнительной организации пространства под ТРБ) открыты на двух поселениях Западного региона (Подлужье, Оселивка) и на поселении Старые Санжары Восточного региона (рис. 5). Горны Бобринский 2 / Хеннинг А (со столбом под ТРБ) происходят из поселений Западного региона (Воробеевка 3, Лепесовка (горн 1, раскопки Я. В. Яроцкого), Неслухова (три горна), Сокольники 1, Лука-Врублевецкая (горн 5, раскопки М. А. Тихановой), Бакота, Комаров (два горна) и поселения Восточного региона Хлопков 1 (рис. 5). Горны Бобринский 3 / Хеннинг В

(с глухой перегородкой под ТРБ) обнаружены на поселениях Западного региона (Рипнев 2, Лука-Врублевецкая (два горна), Лисогорка), поселениях Восточного региона Боромля 2 (два горна), Войтенки 1 (четыре горна) (рис. 5). Горн Бобринский 4 (с незамкнутой перегородкой) известен на поселении Коровинцы 1 Восточного региона (рис. 5). Горны Бобринский 6 (с короткой незамкнутой перегородкой / столбом-перегородкой / нецилиндрическим столбом) известны на поселениях Западного региона Лепесовка (горны 2, 3, раскопки М. А. Тихановой), Лука-Врублевецкая (горн 1, раскопки С. Н. Бибикова) (рис. 5).

Создается впечатление, что господствующей конструкцией в Западном регионе являются горны Бобринский 2 / Хеннинг А, а в Восточном — горны Бобринский 3 / Хеннинг В. Но такое утверждение является спекулятивным ввиду крайне малой выборки: в Западном регионе известно 19 горнов, а в Восточном — 9 (рис. 6). Горны видов 1 и 3 присутствуют в обоих регионах. Один горн Бобринский 2 / Хеннинг А известен и в Восточном регионе. Горны Бобринский 6 известны пока только в Западном регионе, а горн Бобринский 4 только в Восточном регионе (рис. 6).

Утверждение о господстве традиции сооружения горнов Бобринский 2 / Хеннинг А в Западном регионе пока основано лишь на степени изученности, а не на отражении реальной исторической ситуации. Хотя вполне логично допускать влияние на такую статистику различных культурных традиций.

Горны 1 и 2 с поселения Войтенки 1 уже опубликованы (Schultze, Ljubičev 2007; Шульцце, Любичев 2010, 2013) (рис. 7). В общем они относятся к варианту В Хеннинга, но в горне 1 перегородка под ТРБ входит в топочное устройство, а в горне 2 каплевидная в плане перегородка занимает центр и лишь половину топочной камеры (рис. 7). По классификации А. А. Бобринского горны соответственно относятся к типам 3б

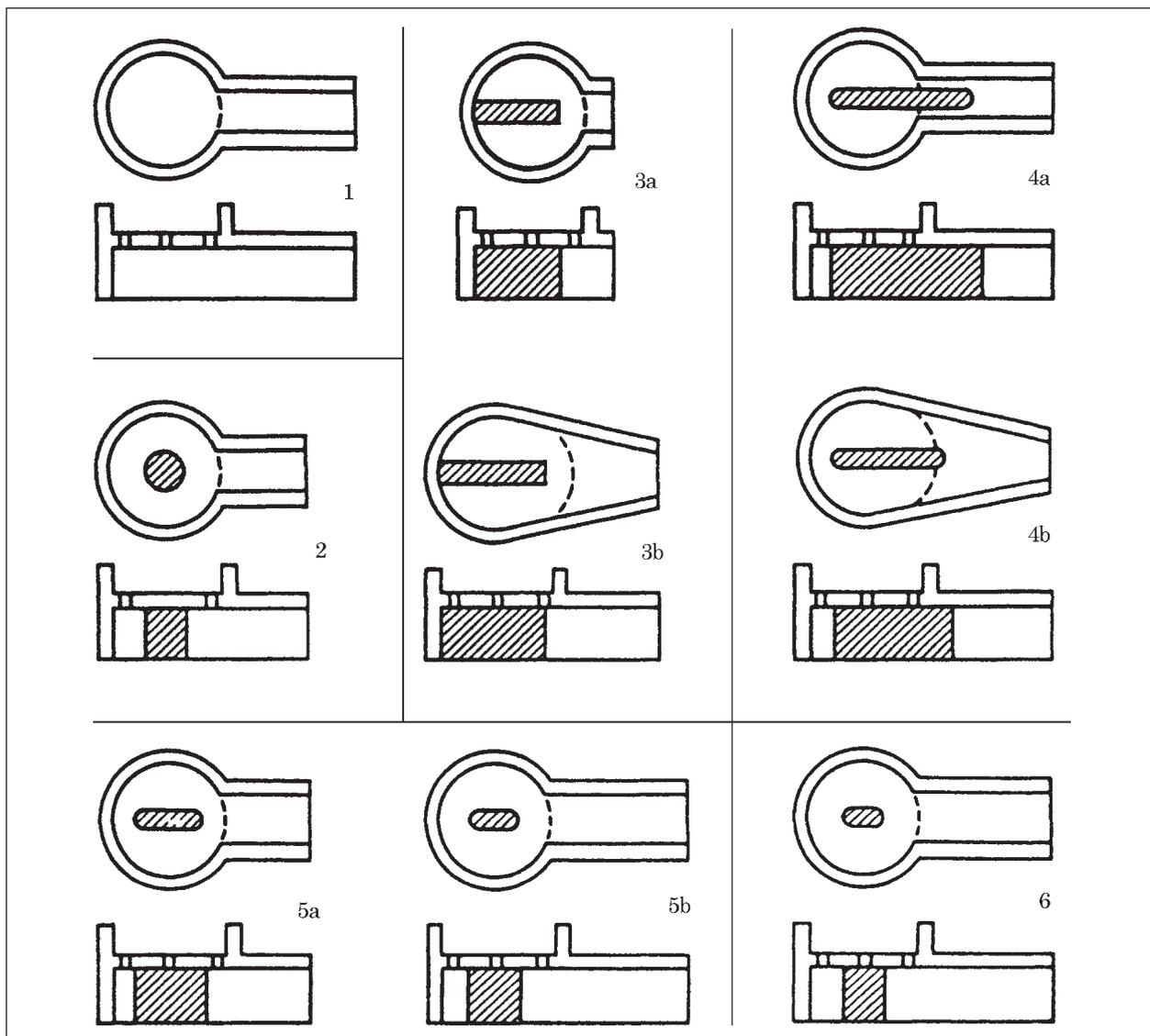

Рис. 3. Типы горнов по А. А. Бобринскому (Бобринский 1991, рис. 77)

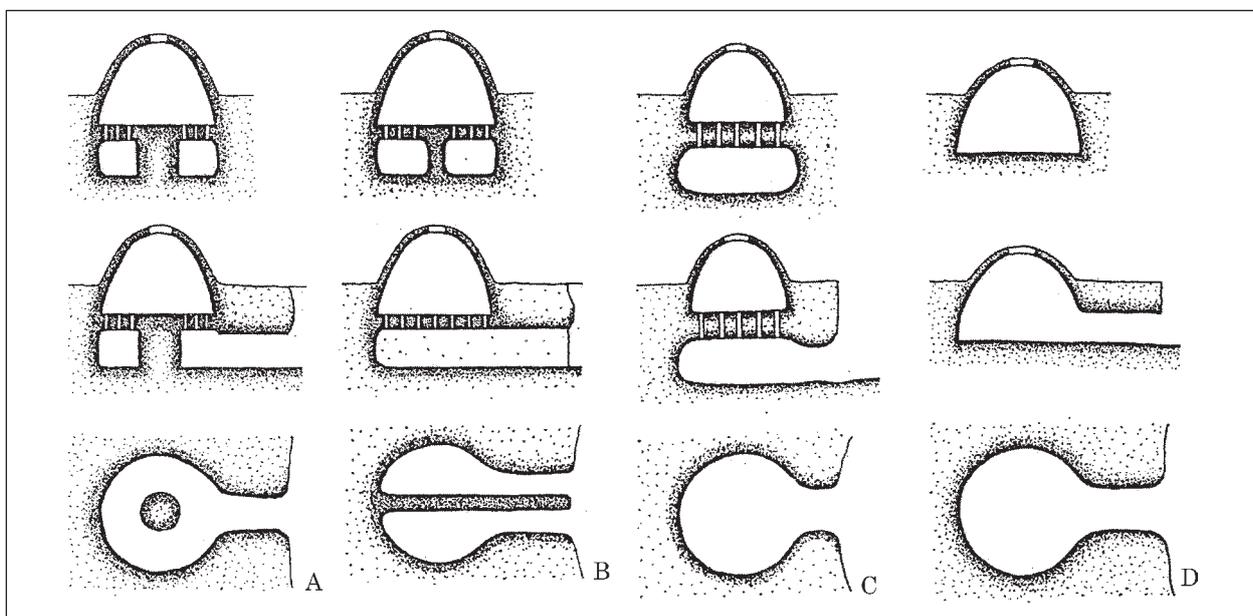

Рис. 4. Типы горнов по Й. Хеннингу (Henning 1977, Abb. 5—8)

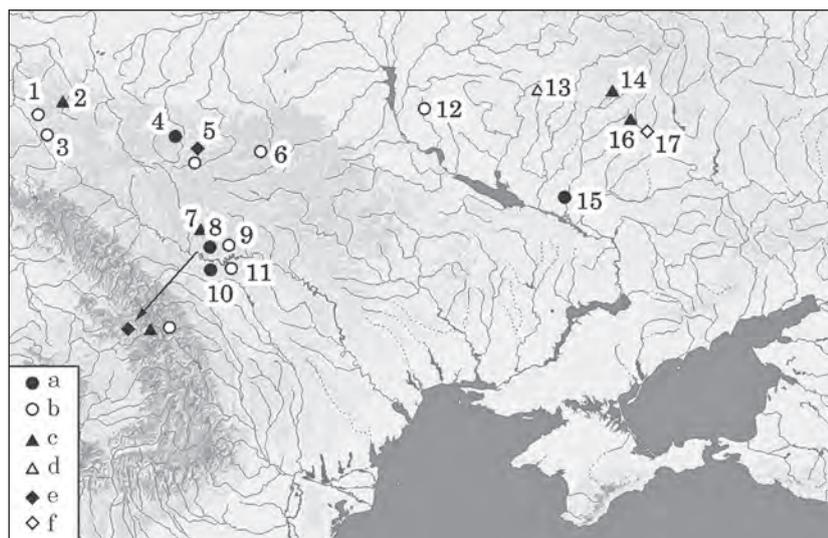

Рис. 5. Типы горнов в Западном и Восточном регионах ареала черняховской культуры: поселения: 1 — Неслухов; 2 — Рипшев 2; 3 — Сокольники 1; 4 — Подлужье; 5 — Лепесовка; 6 — Воробеевка 3; 7 — Лисогорка; 8 — Лука-Врублевецкая; 9 — Бакота; 10 — Оселивка; 11 — Комаров; 12 — Хлопков 1; 13 — Коровинцы 1; 14 — Боромля 2; 15 — Старые Санжары; 16 — Войтенки 1; 17 — Пересечное; а — тип I; б — тип II; с — тип III; д — тип IV; е — тип VI по А. А. Бобринскому; ф — тип невозможно определить

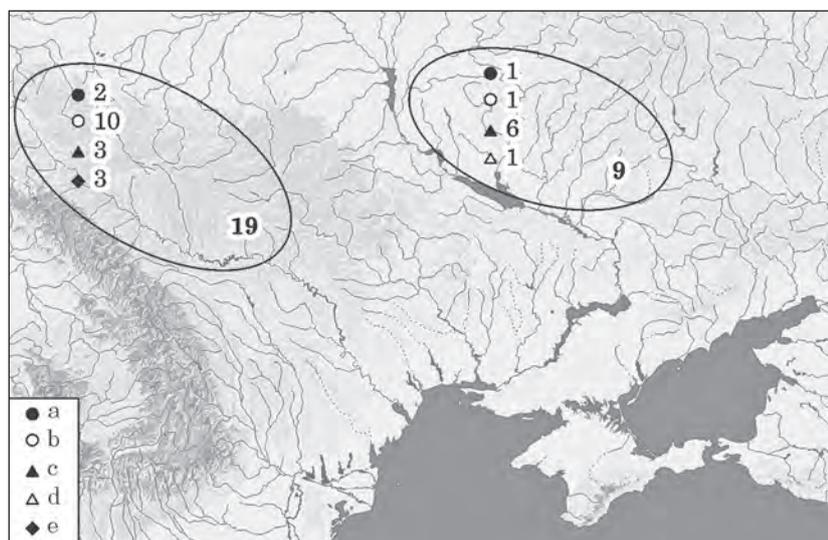

Рис. 6. Соотношение типов гончарных горнов в Западном и Восточном регионах ареала черняховской культуры: а — тип I; б — тип II; с — тип III; д — тип IV; е — тип VI по А. А. Бобринскому

и За (рис. 3). Горны 3, 4 принадлежат к типу 3б Бобринского (Хеннинг Б) (рис. 3; 4; 8). Анализ параметров свидетельствует, что наибольший обжиговый блок имел горн 4, диаметр таких блоков остальных трех горнов приблизительно одинаков. Наименьший диаметр ТРБ имел горн 3, а наибольший — горн 4. С параметром толщины ТРБ ситуация выглядит прямо противоположно. Перегородка в топочной камере наибольшей длины находилась в горне 4. Наибольшим диаметром топочной камеры отличается горн 3, а наименьшим — горн 2. Горн 4 имеет наименьшую высоту топочной камеры, а горны 1, 2 — наибольшую. Наибольшую длину топочного устройства имеет горн 2, а его ширина на участке наибольшего расширения колеблется в пределах 0,8—1,1 м. Если топочные устройства горнов 2—4 были «стандартными» — в виде трубы, прорезанной в материковой глине между предгорновой ямой и топочной камерой (рис. 7, 2; 8), то топочное устройство в горне 1 было выполнено в виде глиняной конусовидной трубы, покрытой грунтом (рис. 7, 1).

ОБЪЕКТЫ ВОЗЛЕ ГОРНОВ И СЛЕДЫ РЕМОНТА ГОРНОВ

Возле горна 3 на участке Б поселения Войтенки 1 были открыты два сооружения, являвшие собой нижнюю часть углубленной постройки с огромной ямой в центре (сооружение 15) и огромную яму с примыкавшими по окружности четырьмя маленькими ямами (сооружение 13) (Любичев, Мызгин, Варачева 2012, с. 18—22, 23—27, рис. 69, 85) (рис. 9: 1). Стенки и днища ям несут следы глины. Очевидно, что перед нами — сооружения для изготовления формочной массы керамики.

В пользу долговременного функционирования горна свидетельствуют следы ремонта горна. Горн 3 из поселения Войтенки (участок Б) имел их в виде остатков крепления старого ТРБ по окружности горна над новым ТРБ, что свидетельствует о его замене в ходе ремонта (рис. 9: 2). Следы подобного ремонта сохранились и в горне 2 Лепесовки (раскопки М. А. Тихановой 1960 г.) (Бобринский 1991, с. 153). Присутствие

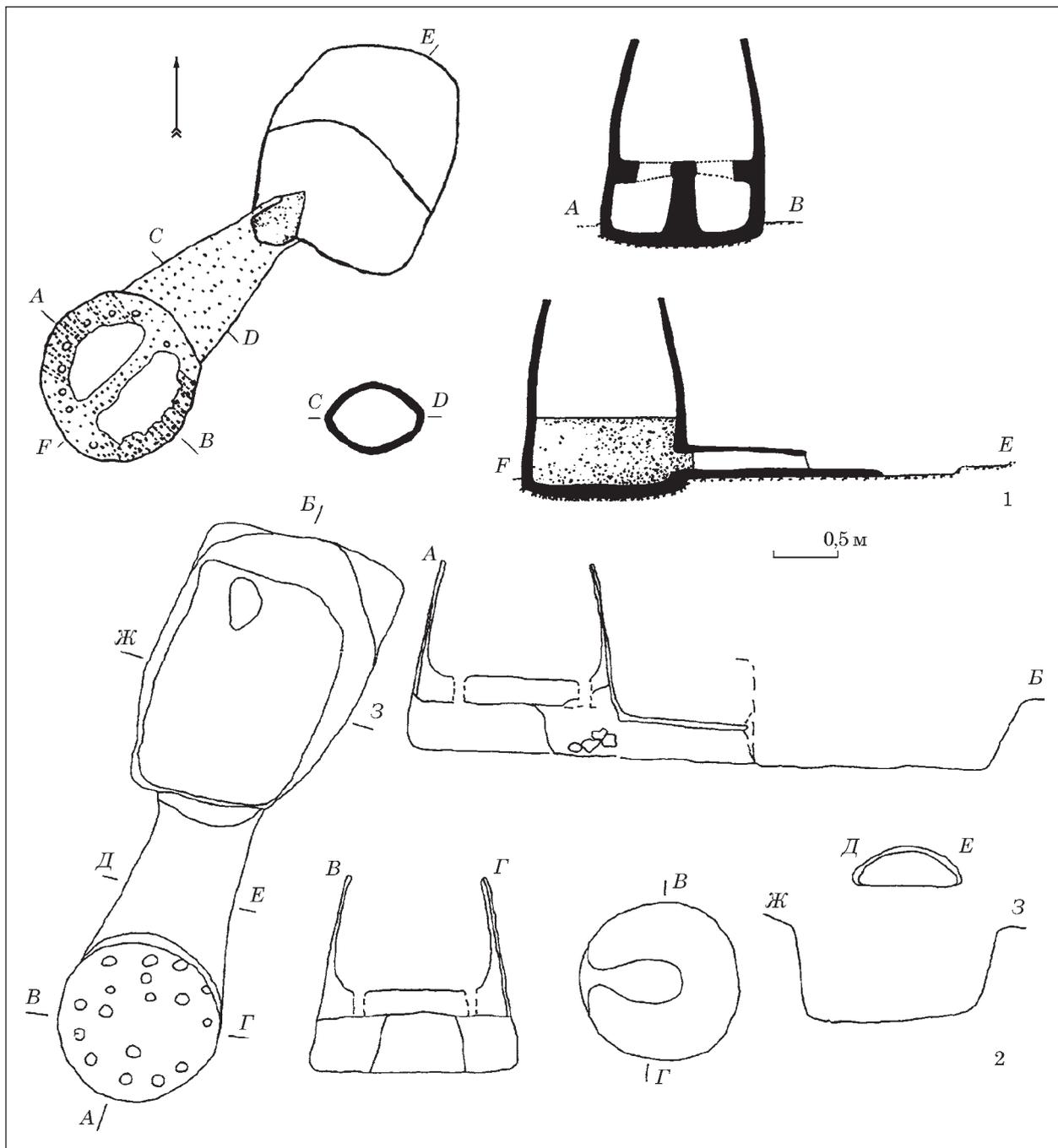

Рис. 7. Гончарные горны 1, 2 на поселении Войтенки 1

следов ремонта горна может быть свидетельством как сезонного так и круглогодичного производства.

РАЗМЕЩЕНИЕ ГОРНОВ НА ПОСЕЛЕНИЯХ

С вопросом о сезонном и круглогодичном гончарном производстве очевидно связано и размещение горнов на поселении: находятся ли они среди жилых и хозяйственных построек, вынесены на окраину либо образуют компактную группу среди производственных и хозяйственных объектов. Решение этого вопроса также

связано с существующей выборкой источников: раскопан ли памятник полностью, его большие площади либо лишь незначительная часть.

ЗАПАДНЫЙ РЕГИОН

На восточной окраине поселения Лепесовка находился горн 1 (раскопки Я.В. Яроцкого), а на западной его окраине горны 2, 3 (раскопки М. А. Тихановой) (Бобринский 1991, с. 151—152). Возле углубленного сооружения, трактуемого как жилище («жилище 11») находился горн на поселении Рипнев 2 (Баран 1964 с. 235). На окраине поселения находился горн

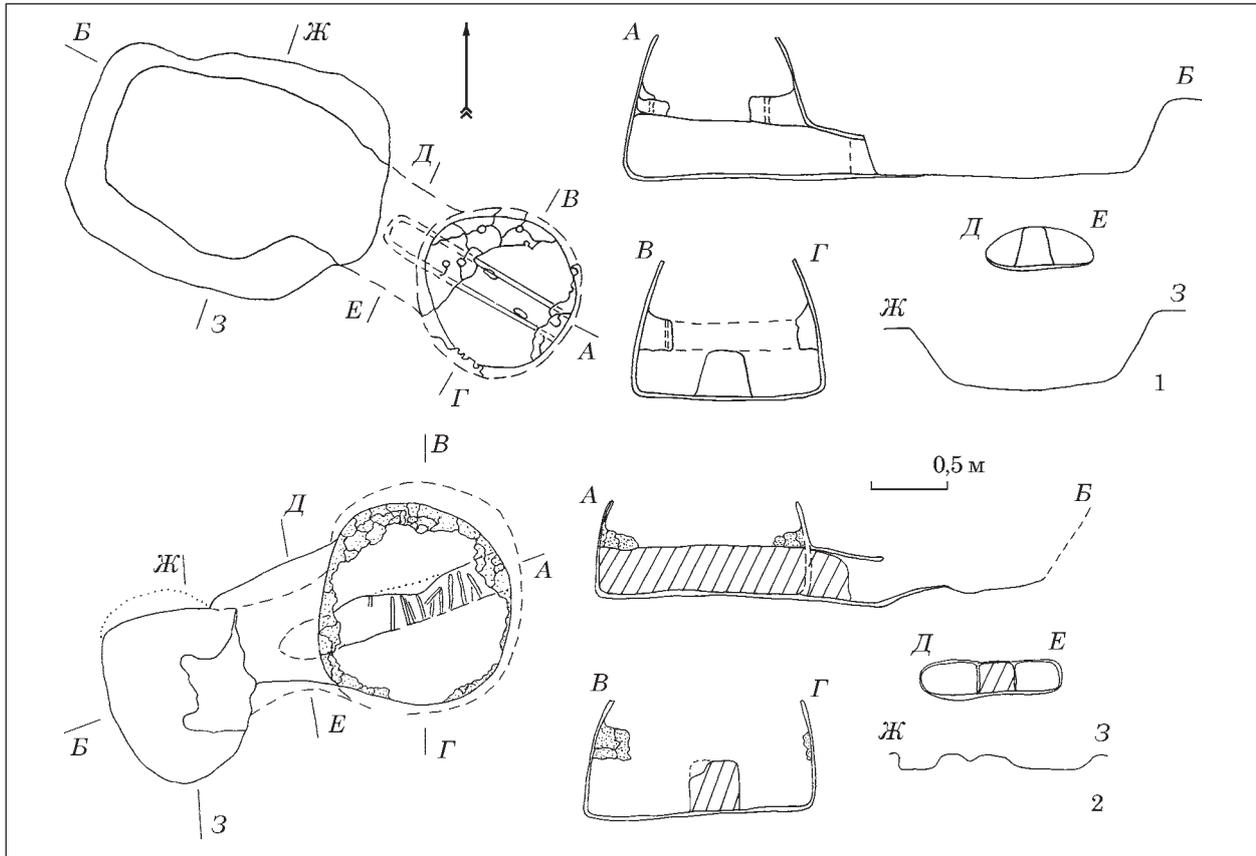

Рис. 8. Гончарные горны 3, 4 на поселении Войтенки 1

в Сокольниках 1 (Бобринский 1991, с. 159). На поселении Лука-Врублевецкая горны располагались в западной (№ 1) и восточной (№ 2—4) его частях (Бобринский, 1991 с. 162—163, 166). Горн 5 был вынесен там еще на 230 м к востоку (Бобринский 1991, с. 167). В Оселивке горн находился на западной окраине поселения (Бобринский 1991, с. 172).

ВОСТОЧНЫЙ РЕГИОН

На поселении Боромля 2 горн 1 находился на его окраине, а горн 2 занимал место в его центре (Некрасова 2006, с. 99, рис. 18) (рис. 10). На поселении Войтенки 1 горн 1 занимал окраину жилой части на участке А, а горны 2—4 были сосредоточены на участке В (рис. 10). Материалы участка В, исследуемого с 2011 г., создают представление об этой территории как производственном / ремесленном участке поселения (гончарные горны, ямы для формовочной массы вблизи них, ямы-«печи» с перекрытиями, горн для цветных металлов, выплески цветных металлов и т. д.).

Для сравнения можно привести примеры из других регионов культуры Черняхов / Сынтана-де-Муреш. Например, на поселении Sighișoara в Семиградье горны находились фактически в центре поселения, вблизи жилых домов (Körösfői, Sófalvi, Nyárádi 2011, s. 454). Оба горна располагались в южной части по-

селения Odorheiu Secuiesc-Alsólók, где отмечена наибольшая концентрация ям и обнаружен также железоплавильный горн (Körösfői, Sófalvi, Nyárádi 2011, s. 448). Гончарный горн в Будештах в Молдове находился между поселением и могильником (Vornic 2006, s. 18).

Кроме того следует упомянуть горны в ареале пшеворской культуры, наибольшее количество которых известно в долине Вислы недалеко от Кракова (Польша) (Dobrzańska 2011). Там функционировало несколько центров производства керамики со многими горнами. Они находились в различных местах, либо на специальных производственных участках поселений либо внутри самих поселений. В отличие от Западного региона черняховской культуры там преобладают горны Бобринский 3 / Хеннинг В (Dobrzańska 2011, Fig. 17). Следовательно, невозможно делать вывод о том, что развитие гончарного производства в Западном регионе являлось результатом влияния пшеворской культуры.

К ВОПРОСУ О СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ГОРНОВ

В качестве рабочей гипотезы можно ставить вопрос о связи уровня гончарного производства со специализацией горна по обжигу определенных типов гончарных сосудов и наличии таковой (Тиханова 1973, с. 135). К этому

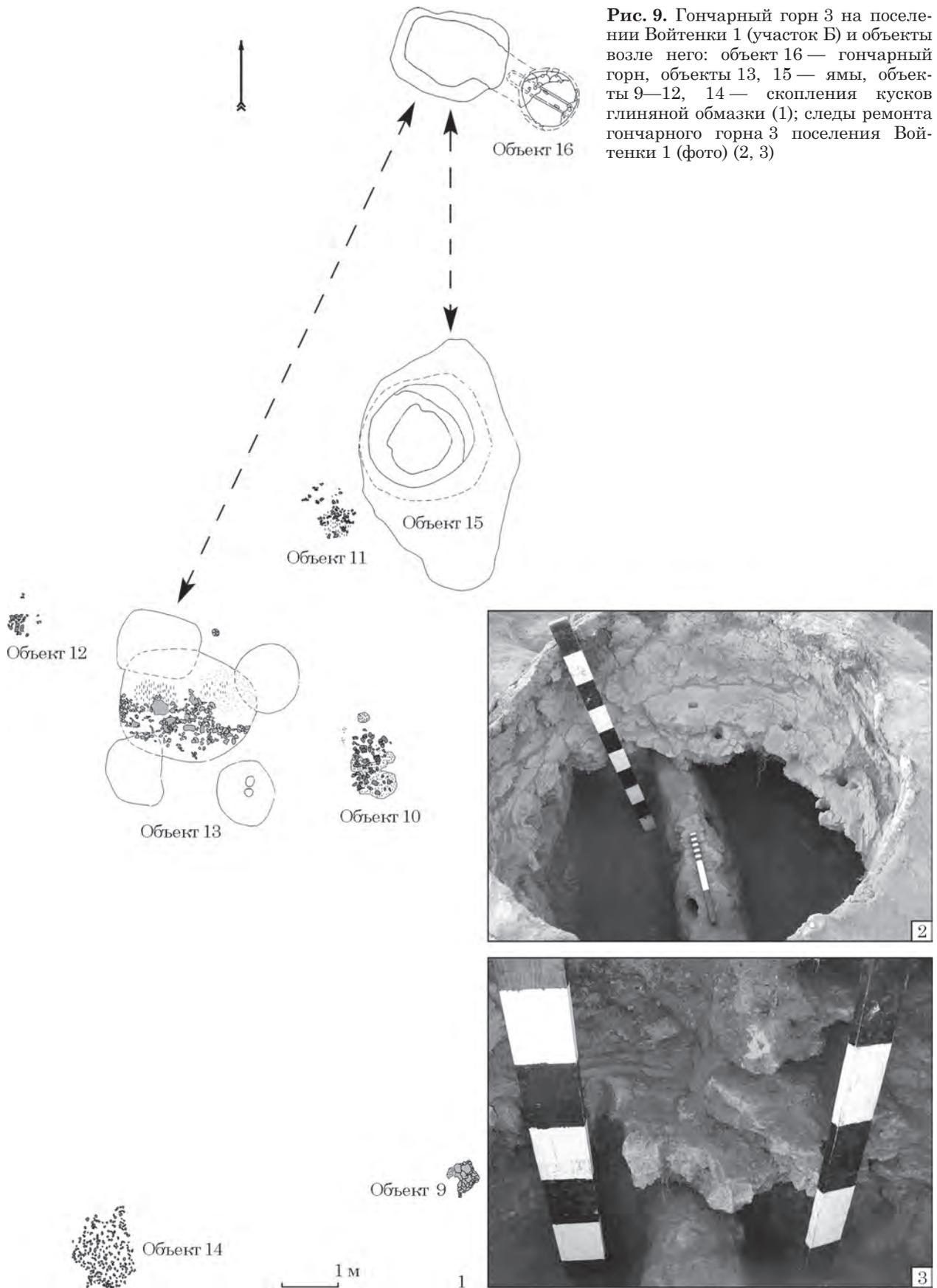

Рис. 9. Гончарный горн 3 на поселении Войтенки 1 (участок Б) и объекты возле него: объект 16 — гончарный горн, объекты 13, 15 — ямы, объекты 9—12, 14 — скопления кусков глиняной обкладки (1); следы ремонта гончарного горна 3 поселения Войтенки 1 (фото) (2, 3)

подводит статистика керамики из заполнения горнов. Так в горне 2 поселения Войтенки 1 содержалось 81,7 % фрагментов столовой посу-

ды (миски открытого и закрытого типов, вазы, трехручные вазы, кувшины), 17,4 % кухонной (горшки), 0,9 % тарной (один фрагмент венчи-

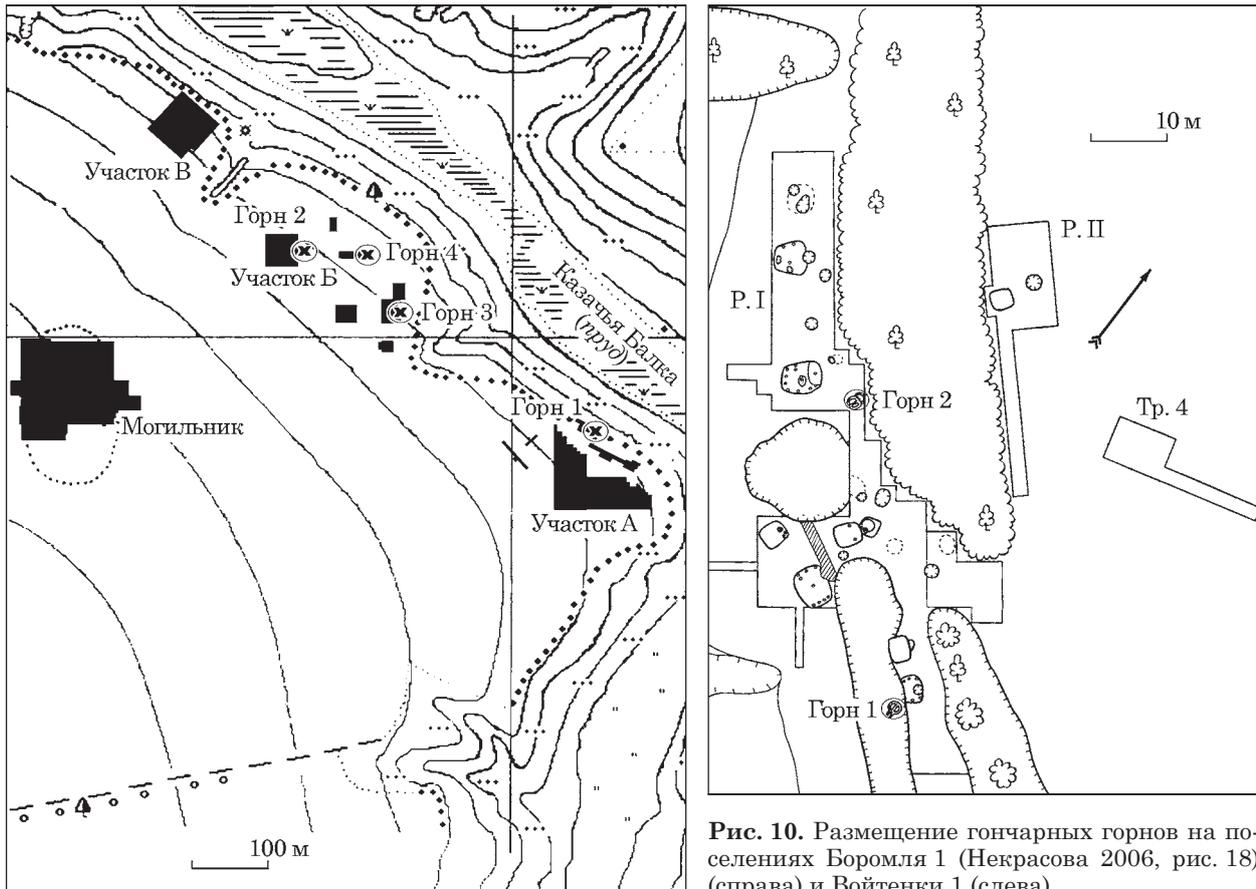

Рис. 10. Размещение гончарных горнов на поселениях Боромля 1 (Некрасова 2006, рис. 18) (справа) и Войтенки 1 (слева)

ка «зерновика» / «пифоса») (Филатов 2013). В горне 3 наоборот подавляющее большинство керамики в заполнении его частей составляют фрагменты гончарных горшков (Любичев, Мызгин, Варачева 2012, с. 28—33). В подавляющем большинстве керамика из заполнения различных частей горна 4 представлена фрагментами гончарных горшков (Любичев, Мызгин, Варачева, Шульцце 2014, с. 22). Однако следует учитывать, что преобладание фрагментов определенных типов сосудов в заполнении частей горна может свидетельствовать также о составе керамики последних обжигов.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Приведенный в статье материал свидетельствует, что в каждом регионе имелись горны различных типов. Они находились на окраине поселений, а также могли группироваться на одном из его участков. Горны имели или не имели (они не фиксируются) деревянные защитные сооружения от ветра и влажности. Вопрос об уровне организации гончарного производства (постоянного либо сезонного) является открытым. Очевидно, он отличался для каждого отдельного поселения и не может быть точно определен по существующей выборке материальной культуры. Можно согласиться с выводом Й. Хеннинга, что в этой части Бар-

барикума «в подавляющем большинстве присутствуют малые мастерские с максимум двумя горнами (есть и больше — Э. Ш., М. Л.) на окраине поселений возле источников глины, имевшие малую территорию распространения продукции» (Henning 1977, S. 187—188). Похожие черты в организации гончарного производства Западного и Восточного регионов черняховской культуры свидетельствуют в пользу наличия одной экономической модели вне различий в культурных процессах.

ЛИТЕРАТУРА

- Баран, В. Д. 1964. Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 116, с. 213-252.
- Баран, В. Д. 1981. *Черняхівська культура*. Київ: Наукова думка.
- Бобринский, А. А. 1987. К методике выявления особенностей функционирования ремесленных производств керамики. В: *Проблемы интерпретации археологических источников*. Орджоникидзе: СОГУ им. К. Л. Хетагурова, с. 119-140.
- Бобринский, А. А. 1989. Методика изучения организационных форм гончарных производств. В: Молодин, В. И. (ред.). *Керамика как исторический источник*. Новосибирск: Наука, с. 10-43.
- Бобринский, А. А. 1991. *Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II—V вв.)*. Москва: Наука.
- Вакуленко, Л. В. 2017. Гончарные горны из Печенижина. В: Зуев, В. Ю. (ред.). *Ранний железный*

век Евразии от рубежа эр до середины I тыс. н. э. *Динамика освоения культурного пространства*. Санкт Петербург: Скифия-принт, с. 25-28.

Винокур, I. S. 1972. *История та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II—V ст. н. е.* Київ: Наукова думка.

Гей, О. А. 1993. Черняховская культура. История изучения. В: Русанова, И. П., Сымонович, Э. А. (ред.). *Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э.* Москва: Наука, с. 123-130.

Гейко, А. В. 1991. Черняхівське горно під Полтавою. *Археологічний літопис лівобережної України*, 1, с. 76-82.

Гейко, А. В., Рейда, Р. М., Сапегін, С. В. 2013. Гончарне горно із черняхівського селища Старі Санжари. *Ostrogothica-Hefte*, 3, с. 64-71.

Костенко, Ю. В. 1978. Памятки I тис. н. е. в поріччї Трубежа. *Археологія*, 28, с. 99-112.

Кропоткін, А. В., Обломський, А. М. 1991. Про етнокультурну ситуацію у районі вододілу Дніпра та Дону в III—V ст. н. е. *Археологія*, 1, с. 75-89.

Любичев, М. В. 2008. Киево-черняховские контакты ступеней C_{1b}—C₂ на территории днепро-донецкой лесостепи в свете выделения «горизонта Боромля». В: Радюш, О. А., Скворцов, К. Н. (ред.). *Germania-Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов*. Калининград: Янтарный сказ, с. 44-67.

Любичев, М. В. 2016. О двух методах построения культурной истории днепро-донецкой лесостепи римского времени. В: Борисов, Б. (ред.). *Професор доктор Борис Д. Борисов — ученици и приятели*. Велико Търново: ИВИС, с. 235-245.

Любичев, М. В., Мызгин, К. В., Варачева, К. Г. 2012. *Отчет о работе Германо-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина в 2012 г.* НА ІА НАНУ, ф. 64, 2013/б. н.

Любичев, М. В., Мызгин, К. В., Варачева, К. Г., Шульцце, Э. 2014. *Отчет о работе Германо-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина в 2014 г.* НА ІА НАНУ, ф. 64, 2014/б. н.

Ляпушкин, И. И. 1950. Памятники культуры полей погребений Днепровского Левобережья. *Советская археология*, 13, с. 7-32.

Магомедов, Б. В. 2001. *Черняховская культура. Проблема этноса*. Люблин.

Некрасова, А. Н. 2006. Памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья. В: Левада, М. Е., Самойленко, Л. Г. (ред.). *Готы и Рим*. Киев: Стило, с. 87-200.

Петраускас, О. В., Коваль, О. А., Милян, Т. Р. 2013. Горни пізньоримського часу з Комарова. Особливості конструкції та функціонального призначення. *Ostrogothica-Hefte*, 3, с. 23-34.

Петраускас, О. В., Шишкін, Р. Г. 1999. Про черняхівські пам'ятки «змішаного» типу на Правобережжі Київського Подніпров'я. В: Терпиловський, Р. В. (ред.). *Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тис. н. е.* Київ; Львів: РАС, с. 217-229.

Тиханова, М. А. 1973. Гончарные печи на поселении у с. Лепесовка. *Краткие сообщения Института археологии*, 133, с. 129-137.

Филатов, Д. А. 2013. Керамика из заполнения гончарного горна на участке «Б» поселения черняховской культуры Войтенки 1 (раскопки 2011 г.). *Ostrogothica-Hefte*, 3, с. 53-63.

Шульцце, Э., Любичев, М. В. 2010. Об изготовлении гончарной керамики в черняховской культуре.

Гончарный горн на поселении Войтенки (Восточная Украина). *Археологія і давня історія України*, 2, с. 183-190.

Шульцце, Э., Любичев, М. 2013. Два гончарных горна из поселения Войтенки: сравнительная характеристика. *Ostrogothica-Hefte*, 3, с. 43-52.

Щукин, М. Б. 2005. *Готский путь*. Санкт Петербург: СПбГУ.

Dobrzańska, H. 2011. Grey Pottery Production near Cracow: Geographical, Technological and Social Dimensions. *Bonner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichtlichen Archäologie. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn*, 13: Drehscheibentöpferei im Barbaricum. Technologietransfer und Professionalisierung eines Handwerks am Rande des Römischen Imperiums, S. 250-284.

Henning, J. 1977. Entwicklungstendenzen der Keramikproduktion an der mittleren und unteren Donau im 1. Jahrtausend u. Z. *Zeitschrift für Archäologie*, 11, S. 181-206.

Körösfői, Z., Sófalvi, A., Nyárádi, Z. 2011. Töpferöfen in der Siedlung der Sântana de Mureș-Černjachov-Kultur in Ordoheiu Secuiesc-Alsólök, Siebenbürgen. *Bonner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichtlichen Archäologie. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn*, 13: Drehscheibentöpferei im Barbaricum. Technologietransfer und Professionalisierung eines Handwerks am Rande des Römischen Imperiums, S. 445-456.

Schultze, E., Ljubičev, M. 2007. Zur Herstellung von Drehscheibenkeramik in der Černjachov-Kultur. Ein Brennofen aus der Siedlung Vojtenki 1, Ostukraine. *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift*, 48, 2, S. 187-202.

Vornic, V. 2006. *Așezarea și necropola de tip Sântana de Mureș — Černjachov de la Budești*. Chișinău: Pontos.

REFERENCES

Baran, V. D. 1964. Pamyatniki chernyakhovskoy kultury basseyna Zapadnogo Buga. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 116, s. 213-252.

Baran, V. D. 1981. *Cherniakhivska kultura*. Kyiv: Naukova dumka.

Bobrinskiy, A. A. 1987. K metodike vyyavleniya osobennostey funktsionirovaniya remeslennykh proizvodstv keramiki. In: *Problemy interpretatsii arkheologicheskikh istochnikov*. Ordzhonikidze: SOGU im. K. L. Khetagurova, s. 119-140.

Bobrinskiy, A. A. 1989. Metodika izucheniya organizatsionnykh form goncharykh proizvodstv. In: Molodin, V. I. (ed.). *Keramika kak istoricheskiy istochnik*. Novosibirsk: Nauka, s. 10-43.

Bobrinskiy, A. A. 1991. *Goncharyye masterskiye i gorny Vostochnoy Evropy (po materialam II—V vv.)*. Moskva: Nauka.

Vakulenko, L. V. 2017. Goncharyye gorny iz Pechenizhina. In: Zuyev, V. Yu. (ed.). *Ranniy zheleznyy vek Evrazii ot rubezha er do serediny I tys. n. e. Dinamika osvoyeniya kulturnogo prostranstva*. Sankt Peterburg: Skifiya-print, s. 25-28

Vynokur, I. S. 1972. *Istoria ta kultura cherniakhivskykh plemen Dnistro-Dniprovskoho mezhyrichchia II—V st. n. e.* Kyiv: Naukova dumka.

Gey, O. A. 1993. Chernyakhovskaya kultura. Istoriya izucheniya. In: Rusanova, I. P., Symonovich, E. A. (eds.). *Slavyane i ikh sosedi v kontse I tys. do n. e. — perv. pol. I tys. n. e.* Moskva: Nauka, s. 123-130.

Heiko, A. V. 1991. Cherniakhivske horno pid Poltavoiu. *Arkheolohichnyj litopys livoberezhnoi Ukrainy*, 1, s. 76-82.

Heiko, A. V., Reid, R. M., Sapiehin, S. V. 2013. Honcharne horno iz cherniakhivskoho selyshcha Stari Sanzhary. *Ostrogothica-Hefte*, 3, s. 64-71.

Kostenko, Yu. V. 1978. Pamiatky I tys. n. e. v porichchi Trubezha. *Arkheolohiia*, 28, s. 99-112

Kropotkin, A. V., Oblomskyi, A. M. 1991. Pro etnokulturnu situatsiiu u raioni vododilu Dnipra ta Donu v III—V st. n. e. *Arkheolohiia*, 1, s. 75-89.

Lyubichev, M. V. 2008. Kievo-chernyakhovskiy kontakti stupeney S1b—C2 na territorii dnepro-donetskoy lesostepi v svete vydeleniya «gorizonta Boromly». In: Radyush, O. A., Skvortsov, K. N. (eds.). *Germania-Sarmatia. Drevnosti Tsentralnoy i Vostochnoy Evropy epokhi rimskogo vlianiya i pereseleniya narodov*. Kaliningrad: Yantarnyy skaz, s. 44-67.

Lyubichev, M. V. 2016. O dvukh metodakh postroyeniya kulturnoy istorii dnepro-donetskoy lesostepi rimskogo vremeni. In: Borisov, B. (ed.) *Prof. doctor Boris D. Borisov — uchenitsi i priyateli*. Veliko Tarnovo: IVIS, s. 235-245.

Lyubichev, M. V., Myzgin, K. V., Varacheva, K. G. 2012. *Otchet o rabote Germano-Slavianskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Kharkovskogo natsionalnogo universiteta imeni V. N. Karazina v 2012 g.* NA IA NANU, f. 64, 2012/b. n.

Lyubichev, M. V., Myzgin, K. V., Varacheva, K. G., Schultze, E. 2014. *Otchet o rabote Germano-Slavianskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Kharkovskogo natsionalnogo universiteta imeni V. N. Karazina v 2014 g.* NA IA NANU, f. 64, 2014/b. n.

Lyapushkin, I. I. 1950. Pamyatniki kultury poley pogrebeniy Dneprovskogo Levoberezhia. *Sovetskaya Arkheologiya*, 13, s. 7-32.

Magomedov, B. V. 2001. *Chernyakhovskaya kultura. Problema etnosa*. Lublin.

Nekrasova, A. N. 2006. Pamyatniki chernyakhovskoy kultury Dneprovskogo Levoberezhia. In: Levada, M. E., Samoylenko, L. G. (eds.). *Goty i Rim*. Kiev: Stilos, s. 87-200.

Petrauskas, O. V., Koval, O. A., Mylian, T. R. 2013. Horny piznorymskoho chasu z Komarova. Osoblyvosti konstruktivni ta funktsionalnoho pryznachennia. *Ostrogothica-Hefte*, 3, s. 23-34.

Petrauskas, O. V., Shyshkin, R. H. 1999. Pro chernyakhivski pamiatky «zmishanoho» typu na Pravoberezhzhi Kyivskoho Podniprov'ia. In: Terpylovskiy, R. V. (ed.). *Etnokulturni protsesy v Pivdenno-Skhidnii Yevropi v I tys. n. e.* Kyiv; Lviv: RAS, s. 217-229.

Tikhanova, M. A. 1973. Goncharynye pechi na poselenii u s. Lepesovka. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*, 133, s. 129-137.

Filatov, D. A. 2013. Keramika iz zapolneniya goncharnogo gorna na uchastke «B» poseleniya chernyakhovskoy kultury Voytenki 1 (raskopki 2011 g.). *Ostrogothica-Hefte*, 3, s. 53-63.

Schultze, E., Lyubichev, M. V. 2010. Ob izgotovlenii goncharnoy keramiki v chernyakhovskoy kulture. Goncharnyy gorn na poselenii Voytenki (Vostochnaya Ukraina). *Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy*, 2, s. 183-190.

Schultze, E., Lyubichev, M. 2013. Dva goncharynykh gorna iz poseleniya Voytenki: sravnitel'naya kharakteristika. *Ostrogothica-Hefte*, 3, s. 43-52.

Shchukin M.B. 2005. *Gotskiy put*. Sankt Peterburg: SPbGU.

Dobrzańska, H. 2011. Grey Pottery Production near Cracow: Geographical, Technological and Social Dimensions. *Bonner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichtlichen Archäologie. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn*, 13: Drehscheibentöpferei im Barbaricum. Technologietransfer und Professionalisierung eines Handwerks am Rande des Römischen Imperiums, S. 250-284.

Henning, J. 1977. Entwicklungstendenzen der Keramikproduktion an der mittleren und unteren Donau im 1. Jahrtausend u. Z. *Zeitschrift für Archäologie*, 11, S. 181-206.

Körösfői, Z., Sófalvi, A., Nyárádi, Z. 2011. Töpferöfen in der Siedlung der Sântana de Mureș-Černjachov-Kultur in Ordoheiu Secuiesc-Alsólok, Siebenbürgen. *Bonner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichtlichen Archäologie. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn*, 13: Drehscheibentöpferei im Barbaricum. Technologietransfer und Professionalisierung eines Handwerks am Rande des Römischen Imperiums, S. 445-456.

Schultze, E., Ljubičev, M. 2007. Zur Herstellung von Drehscheibenkeramik in der Černjachov-Kultur. Ein Brennofen aus der Siedlung Voytenki 1, Ostukraine. *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift*, 48, 2, S. 187-202.

Vornic, V. 2006. *Așezarea și necropola de tip Sântana de Mureș — Černjachov de la Budești*. Chișinău: Pontos.

E. Schultze, M. V. Lyubichev

KILNS OF THE WESTERN AND EASTERN REGIONS OF THE CHERNYAKHIV CULTURE: NEW MATERIALS TO THE ORGANIZATION OF POTTERY PRODUCTION

The aim of this paper was to compare the pottery kilns of the Chernyakhiv culture in two disparate regions for evaluating the organization in pottery manufacturing based on the kilns, their construction and material. Today 11 sites in the western region and 5 sites in the eastern region are known each with one or several kilns. The kilns can be divided in type 1—6 after Bobrinskiy (or the variant A—C after Henning). On the current state of research type 2 seems to prevail in the western region, type 3 in the eastern region. As an example for new investigations the kilns found in Voitenki (Kharkiv county) are presented in detail.

Furthermore structures / constructions around the kilns were considered to find evidences for the existence of workshops. In both regions under discussion such remains has been observed rarely (Komariv, Voitenki). Concerning the question, if pottery was produced seasonally or all-the-year, remains of repairs in the kilns were taken into account in both regions (Lepesovka, Voitenki). Another point was the position of the kilns within the settlements. In the western region they were situated at the border of the settlement or even apart them. In the eastern region they were found in several parts of the settlement, in Voitenki in a special part, where evidences of technical works and craft activities are concentrated. After all it seems that in both regions of the Chernyakhiv culture the organization of pottery production worked on a similar economic level, but with local modifications in every settlement.

Keywords: Late Roman Period, Chernyakhiv Culture, kilns, organization of the pottery production.

Одержано 19.12.2017

ЛЮБИЧЕВ Михайло Васильович, доктор історичних наук, професор, Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, пл. Свободи 4, Харків, 61022, Україна, guae@karazin.ua.

LYUBICHEV Mikhail Vasilyevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kharkiv National V. N. Karazin University, Svobody square 4, Kharkiv, 61022, Ukraine, guae@karazin.ua.

ШУЛЬТЦЕ Ердмуте, доктор, науковий співробітник, Німецький археологічний інститут, Им Дол 2—6, II, Берлін, 14195, Німеччина, Erdmute.Schultze@dainst.de.

SCHULTZE Erdmute, Doctor, Senior Researcher, German Archaeological Institut, Im Dol 2—6, II, Berlin, 14195, Germany, Erdmute.Schultze@dainst.de.